

Ночная мгла мягко окутала город. Секретная квартира Шэнь Цинцы, расположенная на верхнем этаже, была подобна одинокому острову, парящему над городской суетой. В ней царил тишина, нарушаемая лишь низким гулом системы кондиционирования.

В роскошной ванной, соединенной с главной спальней, еще не рассеялся пар. Шэнь Цинцы стоял перед огромным зеркалом с подогревом, его тело после душа все еще хранило влажное тепло. Отражение становилось все четче, явив высокий, статный силуэт с выраженной мускулатурой. Рост почти в метр девяносто придавал ему почти давящее присутствие: широкие плечи, узкая талия и длинные прямые ноги — совершенный каркас, полный силы, сформированный годами строгих тренировок и первоклассным питанием, ставший его главным капиталом, позволяющим носить костюмы не хуже профессиональных моделей.

Но сейчас это тело, источающее мужественность, вот-вот должно было быть облачено в нечто предельно женственное.

Он открыл шкафчик в ванной, который на первый взгляд казался обычным, но внутри лежали отнюдь не мужские принадлежности. На верхней полке аккуратно расположились несколько упаковок распакованного женского белья с кружевами — ткань была мягкой, а размер — необычайно большим. Он привычно вскрыл упаковку совершенно черного белья, кончиками пальцев провел по изящным кружевным краям, а затем наклонился, осторожно продевая длинные ноги в прорези. Упругая, нежная ткань плотно обхватила бедра и ягодицы, даря тонкое, непривычное ощущение полного погружения, кардинально отличавшееся от повседневного мужского белья. Это прикосновение, окутанное ореолом тайного запрета, вызвало рябь в его душе.

Затем он достал гигиеническую прокладку. Это движение было доведено до автоматизма, словно проделано тысячи раз. Распаковать, приклеить. Мягкий слой ваты, прильнувший к ластовице дамского белья, принес удивительное психологическое удовлетворение и чувство завершенности. Это не было физиологической потребностью, а скорее острой психологической необходимостью, важнейшим элементом ритуала перевоплощения в женщину, что позволяло ему в самой интимной плоскости максимально приблизиться к образу той, что существовала лишь в его воображении.

Последовал самый трудный этап этого вечера. Из глубины шкафа он извлек коробку с телесным женским боди с косточками. Надевать такую вещь было крайне тяжело — ему пришлось сначала воспользоваться тальком, а затем, словно выполняя филигранную инженерную задачу, терпеливо натягивать боди от самых щиколоток вверх, застегивая каждый крючок. Утягивающая ткань постепенно сжималась, мягко, но уверенно корректируя линии его тела: живот становился более плоским и подтянутым, а контуры грудных мышц, благодаря особому крою ткани, обретали едва уловимую, интригующую рельефность. Его охватило чувство скованности, которое странным образом принесло покой.

Наконец он взял шелковую ночную сорочку, висевшую за дверью. Это была модель на бретелях с глубоким V-образным вырезом цвета шампанского — нежный натуральный шелк, струящийся роскошным блеском в свете ламп. Он мягко накинул сорочку на плечи, и гладкая прохладная ткань, подобно воде, скользнула по коже, покрыв боди и оставив открытыми лишь изящные ключицы и кусочек груди. Сорочка доходила до колен, подол был свободным, и при ходьбе

полы развевались, полускрывая его бесконечно длинные ноги, что добавляло образу еще больше шарма.

Он снова замер перед зеркалом.

Отраженный человек словно стер четкие гендерные границы. Высокий каркас тела был умело смягчен нежным шелком и утягивающим бельем, создавая стройный и элегантный силуэт. Шея, виднеющаяся над глубоким вырезом, казалась длиннее, а кадык в воображаемых дополнениях вроде шарфа или чокера был незаметно скрыт. Лицо, лишенное дневной суровости и ставшее после купания более чистым и прозрачным, на фоне цвета шампанского обрело странную андрогинную красоту, в которой четкая мужская кость сочеталась с невыразимой женственностью. На длинных ресницах еще дрожали капли влаги, и, опуская взгляд, он отбрасывал на веки легкую тень.

В душе всколыхнулось сложное, невиданное ранее чувство. Напряжение, стыд, возбуждение от запретного, но еще глубже — неопишное умиротворение и чувство принадлежности. Словно только под этой маскировкой тот самый настоящий, глубоко подавленный я мог на краткий миг безопасно сделать вдох.

Он глубоко вздохнул, развернулся и вышел из ванной, направившись в кабинет, примыкающий к спальне.

Дизайн кабинета был выдержан в стиле минимализма: массивный стол из черного эбенового дерева с холодными линиями, многомониторные системы, разбросанные металлические канцтовары — все это дышало деловой строгостью. Это создавало резкий, почти сюрреалистичный визуальный контраст с Шэ контраст с Шэ контраст с Шээ Шэнь Цинцы, который, покачиваясь, шел по комнате в шелковой сорочке цвета шампанского.

Он опустился в эргономичное, но строгое офисное кресло. Подол сорочки из-за позы задрался, обнажив полоску бедра, обтянутого телесным боди, и ноги в мягких тапочках из овчины. Он открыл ноутбук, вызвав подробные материалы для завтрашней видеоконференции с европейскими партнерами, присланные секретарем отца.

Как только работа была начата, мягкое женственное выражение в его глазах мгновенно сменилось сосредоточенностью и остротой. Он читал документы с огромной скоростью, длинные пальцы стучали по клавиатуре, иногда замирая, чтобы сделать множество карандашных пометок в планшете. Мысли были ясны, логика безупречна — он полностью погрузился в рабочую роль Наследника семьи Шэнь.

И все же ощущения тела невозможно было игнорировать полностью.

Каждый раз, когда он слегка подавался вперед, вчитываясь в пункты на экране, чувство стянутости корсета напоминало об особом состоянии его тела. Бретельки шелковой сорочки иногда соскальзывали с широких плеч, и прохладная ткань, трущаяся о кожу, вызвала легкую дрожь. Когда он менял позу, забрасывая ногу на ногу, прикосновение шелка к коже, а также

скрытое под юбкой уникальное ощущение от женского белья и прокладки служили тихим фоновым шумом, напоминая об аномальности этой ночи.

Это странное сочетание телесных ощущений и высокоскоростной профессиональной мысли сосуществовало параллельно. С одной стороны — серьезные деловые решения, касающиеся сотен миллионов капитала, с другой — предельный, интимный гендерный маскарад. Казалось, что вещи несовместимы, но сейчас они достигли некоего пугающего гармоничного равновесия.словно этот тайный наряд не только не отвлекал внимание, но и стал особым барьером, изолирующим от внешнего давления, позволяя еще глубже погрузиться в идущую прямо сейчас игру. Возможно, именно это возбуждение от хождения по лезвию ножа и давало ему возможность раскрыть весь свой потенциал.

Ночь сгушалась, большинство огней города уже погасли. В кабинете лишь свет экранов освещал его невероятно красивый профиль. Шелк цвета шампанского под холодным светом сиял мягким блеском, создавая шокирующий контраст с его спокойным и сосредоточенным лицом. Иногда он поднимал руку, бессознательно накручивая на палец упавшую на лоб прядь волос — этот жест выдавал в нем что-то почти роковое, совершенно не похожее на привычный холодный образ.

Если бы кто-то ворвался сюда сейчас, он увидел бы сцену, способную перевернуть все представления: тот самый Наследник семьи Шэнь, известный своей железной хваткой и суровостью, сидит глубокой ночью в женской шелковой сорочке, управляет делами, источая мощную ауру в смешении с тайной женственностью. Этот предельный контраст сам по себе составлял опасную и совершенную красоту.

Когда последний документ был просмотрен, а ключевые пункты совещания были четко структурированы, на горизонте за окном забрезжил первый слабый свет рассвета.

Шэнь Цинцы наконец откинулся на спинку кресла и глубоко выдохнул, на лице читалась смесь усталости от проделанной работы и удовлетворения. Он поднял руку и потер переносицу, отчего линия его широких плеч под сорочкой стала еще заметнее.

Он встал, и подол шелковой сорочки скользнул вниз подобно воде. Подойдя к окну в пол, он смотрел, как вдалеке небо начинает рвать тьму своим предрассветным светом. Новый день — это день, когда Шэнь Цинцы должен будет полностью вернуться к своей привычной жизни.

Он не стал немедленно снимать наряд, а постоял некоторое время в тишине, словно прощаясь с секретной ночью, которая подходила к концу. Затем он развернулся и с грацией, все еще подчеркнутой одеждой, направился в ванную, чтобы начать последнюю — самую тщательную — процедуру очищения перед рассветом. Все следы должны быть стерты, как песок после схлынувшего прилива, не оставляя ни малейшего намека на необычное.

Когда солнце окончательно взошло, он уже был в строгом костюме, с безупречной укладкой, надев свою невозмутимую маску, подобающую Наследнику семьи Шэнь, и вышел за порог квартиры. Та, что прошлой ночью работала перед компьютером в сорочке цвета шампанского,

казалась лишь прекрасным и одиноким призрачным сном в этом шумном мегаполисе, о котором никто никогда не узнает.

<http://bllate.org/book/20970/2128502>